

"Античная" лексика
в поэзии
И. Бродского

*Е. В. СЕРГЕЕВА,
кандидат филологических наук*

"Для нас античность существует, мы же для неё – нет. Это несколько диковинное положение делает наши суждения об античности до некоторой степени несостоятельными с точки зрения хронологической и, боюсь, генетической, расстояние между нами чересчур огромно, чтобы предположить какую-либо причинно-следственную: мы взираем на античность как бы из ниоткуда. Наша точка зрения подобна взгляду на нас самих с соседней галактики", – писал Иосиф Бродский в статье "Памяти Марка Аврелия" (Иностранная литература. 1995. № 7. С. 254). Однако сам поэт всегда находился если не в, то вблизи этой галактики.

Античность для Бродского – то, что, с одной стороны, органически входит в повседневную жизнь, а с другой, – то, что современную повседневность возводит в ранг Истории. Слова, связанные с "античным" в широком смысле, в его поэзии чрезвычайно употребительны: достаточно сказать, что в четырёх томах "Сочинений Иосифа Бродского" (СПб., 1992–1995) их обнаружено свыше 450. Это прежде всего имена собственные, обладающие наиболее яркой отмеченностью (более 330).

К "античной" лексике в статье отнесены имена существительные и некоторые относительные прилагательные. 1. Имена собственные: а) имена греческих и римских богов и героев мифов (Ариадна, Ахиллес, Аполлон, Андромаха, Вакх, Вертумн, Ганимед, Гектор, Дидона, Диоскуры, Ио, Икар, Калхас, Минос, Нерей, Нарцисс, Орфей, Орест, Парка, Персефона, Персей, Пилад, Помона, Рем, Ромул, Тезей, Терпсихора, Улисс, Харон, Эвридика, Янус и др.), которых особенно много в текстах Бродского; б) имена древнегреческих и древнеримских философов, историков, поэтов и учёных (Аристотель, Вергилий, Гомер, Гораций, Катулл, Ксенофонт, Марциал, Назо, Овидий, Проперций, Платон, Светоний, Тацит, Эвклид, Эзон и др.); в) имена императоров и исторических деятелей (Брут, Ганнибал, Катон, Митридат, Пилат, Сулла, Тиберий, Цезарь и др.); г) некоторые античные имена (Дамон, Лесбия, Цинтия, Юлия и др.); д) географические и

архитектурные наименования, реальные и мифические (Акрополь, Атлантида, Геркуланум, Колхида, Коринф, Коцит, Лета, Лабиринт, Олимп, Помпея, Парфенон, Рубикон, Стикс, Эллада и др.). 2. Имена нарицательные: а) названия мифических существ (атлант, кентавр, нимфа, сирена, сатир, тритон); б) наименования реалий, относящихся к времени античности (асфодели, гетера, гимнасий, когорта, драхма, лира, легионер, сивилла, сестерций, тога, трирема, цезарь, эллин); в) названия некоторых поэтических жанров (эклога, ода, элегия). 3. Относительные прилагательные (античный, аргосский, буколический, эолийский, элизийский).

Имена нарицательные, связанные с темой античности лишь ассоциативно, в контексте (император, наместник, катакомбы, провинция, раб, тренажник и т.д.) здесь не рассматриваются.

"Античная" лексика довольно часто входит в заглавие стихотворения или является его частью: "Развивая *Платона*", "Война в убежище *Киприды*", "*Одиссей Телемаку*", "*Дидона и Эней*", "К *Урании*", "*Бюст Тиберия*", "*Кентавры*", "*Вертумн*", "*Дедал в Сицилии*", "*Итака*", "*Тритон*", "*Храм Мельпомены*", "*Из Еврипида*", "*Элегия*", "*Почти элегия*", "*Эклога*" и др. Нередко встречаются латинские названия стихотворений: "*Ex oriente*", "*Ex ponto*", "*Anno Domini*" и др. В основном, слова, содержащие сему "античность", были выделены в текстах, тематика которых с античностью не связана.

Как традиционно-поэтические обозначения поэзии и творчества у Бродского чрезвычайно употребительны *муза* (как собственное и нарицательное существительное) и *лира*: "Вы поёте вдвоём о своём неудачном союзе, / Улыбаясь сейчас широко каждый собственной *музе* (...) / в тёплой комнате сна в двух углах ваши *лиры* трепещут" (Сочинения Иосифа Бродского. СПб., 1992. Т. I. С. 196; далее – только том и стр.). "Нет, не посетует *Муза*, / если напев заурадный (...) с *лиры* сорвётся нарядной" (I, 253), "И голос *Музы* / звучит как сдержанный, частный голос" (III, 18). Наряду с этим традиционно-поэтическая "античная" лексика нередко заменяет русское название той или иной реалии (Аид, Амур, Бахус, Борей, Клио, Понт, Урания, Филомела, Хронос): "На носу / Ваш праздник, *Эрос*..." (I, 361), "... через *Понт*, / опустевший от судов" (I, 396), "Дуй, дуй, *Борей*" (I, 398), "Теперь и вам продвинуться по службе / мешает *Бахус*..." (I, 431), "И где-то щебетала *Филомела*" (II, 90), "Оттого-то *Урания* старше *Клио*" (III, 64), "И ночной *аквилон* (...) / тербит взбаламученный гарус..." (III, 157), "... так точится идея места / на *Хронос* зуб" (III, 220).

Часто, особенно в раннем творчестве Иосифа Бродского, "античное" имя используется как предмет сравнения, сближая два плана повествования: "... гони меня, как новый *Ганимед*..." (I, 152), "... я молча любовался, как *Нарцисс*" (I, 168), "... а жизнь твоя, как *Ио*, вдалеке"

(I, 178), "... и сжимает в руке виноградную кисть, / точно бог *Дионис*" (I, 214), "... как в ожидании *Леандра Геро*..." (II, 226), "Точно *Тезей* из пещеры *Миноса*..." (II, 293), "... Кончивший дни свои глухо, в опале, / Как *Велизарий* или *Помпей*" (II, 347).

Древнее, античное присутствует в современном, прозаическом: "Это были славные ночи / на Савёловском вокзале, / ночи, / достойные голоса *Гомера*" (I, 34), "... рыбак, страдая комплексом *Нарцисса*, / тарашится..." (II, 92), «И если кто-нибудь спросит: "кто ты?" ответь "кто я, / я – никто", как *Улисс* некогда *Полифему*» (III, 169).

Античные имена органически входят в контекст стихотворений, отнюдь не связанных ни с темой древности, ни даже с экспрессией "высокости". Например, в "Стихах на бутылке, подаренной Андрею Сергееву" (где само название ориентирует, скорее, на сниженную стилистическую окраску) используются древнеримские имена: "*Цинтия* смотрит назад, назад / и видит: входит *Проперций* в сад, / в руках у него цветы. / *Проперций* смотрит вперёд. / *Цинтия*, где же ты?" (II, 19).

Иногда употребляемое слово нарочито парадоксально, не соответствует ситуации, как в "тюремных" стихах "Инструкция заключённому" и "24.5.65.КПЗ": "... столь же тщательно выбрать маршрут, / как тропинку в саду *Гесперид*" (I, 318), "Колючей проволоки *лира* / маячит позади сортира. {...} / И часовой на фоне неба / вполне напоминает *Феба*. / Куда забрёл ты, *Аполлон!*" (I, 423).

Бродский сталкивает высокое, мифологическое, героическое с низким, предельно прозаическим: "Никогда до сих пор, полагаю, так / не был загажен алтарь *Минервы*" (II, 85), "Я занят внутренним совершенством: / полночь – полбанки – *лира*" (II, 32), "... куда сильнее страшится перелёта / наш длинноносый северный *Икар*" (II, 46; речь идёт о вороне. – Е.С.).

Сам же поэт, оставаясь среди "презренной прозы", может существовать в окружении реалий и богов мира античного, как в стихотворении "Я начинаю год...", насыщенном подобной лексикой: "И к небу рвётся новый *Фаэтон* {...} Ах, *Аполлон*, тебе не чужд словарь/*аргосский* {...} так причеши мой пенный след *трезубцем!* / Когда гремит за окнами январь, / мне нужен *буколический* букварь..." (II, 185).

И персонажи античных мифов как бы переносятся в современность: "... и слёзы современного *Орфея*" (I, 138), "А безвестный *Гестест* / глядит, как прошил окрест/снежную гладь канвой/вологодский конвой" (I, 344), "*Сирены* не прячут прекрасных лиц / и громко со скал поют в унисон, / когда весельчак-капитан *Улисс* / чистит на палубе смит-вессон" (I, 362), "Слышишь, опять *Персефоны* голос? / Тонкий в руках её вьётся волос / жизни твоей, рассечённой *Паркой*" (II, 82).

Однако имена античных богов, героев, поэтов могут служить и

своеобразными "историзмами" – знаками, отсылающими в прошлое, воскрешающими Историю: "Неподалёку *Вергилий* жил (...) / то, что вместе мы видим, в три / раза безадресней и синей, / чем то, на что смотрел *Эней*" (III, 227–228), "*Лесбия, Юлия, Цинтия, Ливия, Микелина* (...) / Вы – источник бессмертья: знавшие вас нагими / сами стали *катуллом*, статуями, *траяном*, / *августом* и другими" (III, 48), "... я счастлив в этой колыбели / *Муз*, *Права*, *Граций*, / где *Назо* и *Вергилий* пели, / вещал *Горацій*" (III, 25).

Иногда же имя бога, древнегреческого или древнеримского исторического деятеля служит лишь для формальной отсылки в ситуацию "античности", позволяющую размышлять над проблемами современными или вневременными. Это характерно, например, для стихотворения "Бюст *Тиберия*". Слова *когорта*, *тога*, *цезарь*, имена *Тиберия*, *Светония*, *Тацита* относятся к пространственно-временной сфере древнего Рима (другого времени), которое уже *было*, следовательно, может быть оценено как более или менее объективное. "Ах, *Тиберий!* / Какая разница, что там бубнят / *Светоний* и *Тацит*, ища причины / твоей жестокости! Причин на свете нет, / есть только следствия" (III, 108). Эта сфера противопоставлена и сопоставлена с другой, современной, связанной прежде всего с субъективным сознанием поэта: "В безлюдной галерее. В тусклый полдень (...) / Шум улицы. На качество пространства / никак не реагирующий бюст... / Не может быть, что ты меня не слышишь! / Я тоже опрометью бежал..." (III, 109–110).

Стихотворение "По дороге на *Скирос*" – размышление поэта о себе и о своём времени, а античная лексика, воссоздавая сюжет древнегреческого мифа, служит прежде всего знаком целостной жизненной ситуации: "Я покидаю город, как *Тезей* – / свой *Лабиринт*, оставив *Минотавра* / смердеть, а *Ариадну* – ворковать / в объятьях *Вакха*. / Вот она, победа! / Апофеоз подвижничества!" (II, 48).

Поэт может "надеть" чужую маску, как это происходит в стихотворении "Письма римскому другу", в котором формальные приметы "римского" словоупотребления и, следовательно, времени присутствуют постоянно (подзаголовок "Из *Марциала*", слова *легионер*, *гетера*, *сестерций*, имена *Постум*, *Цезарь*, *Старший Плиний*), дополняясь словами, в семантическую структуру которых входит значение "связанный с античностью" (раб, жрица, Империя). Однако на фоне описания ситуации Римской провинции ярче выступают наблюдения и философские размышления автора, равно относимые ко всем временам и странам: «Сколь же радостней прекрасное вне тела (...) / Сколько раз могли убить! а умер старцем. / Даже здесь не существует, *Постум*, правил (...) "Мы, оглядываясь, видим лишь руины". / Взгляд, конечно, очень варварский, но верный» (II, 284–285).

Таким образом, обращение к античному оказывается во многом приёмом, используемым в философской лирике Бродского.

Параллель "бытовое–античное", следовательно, "сиюминутное–вечное" проходит через многие тексты поэта: "Сумерки. Снег. Тишина. Весьма / тихо. *Аполлон* вернулся на Демос. / Сумерки, снег, наконец, сама / тишина – избавят меня, надеюсь, / от необходимости – прости за дерзость – / объяснять самый факт письма" (II, 21), "Страсть – всегда впереди, / где пространство мельчит. / Сзади прялкой в груди / *Ариадна* стучит" (I, 155), "Твой взор блуждает сумрачен и дик, / доносится до слуха *Эвридик* / возлюбленного пение сквозь ад..." (I, 181), "Поэтому ты уцелел. / Поэтому ты не страдаешь слишком от равнодушия / местных *помон, вертумнов, венер, церер*" (III, 168).

"Античная" лексика может организовывать сюжет всего стихотворения, своеобразно переосмысливая древний миф или создавая на его основе новые пространственно-временные построения. Так, повторяющиеся имена *Гектор, Андромаха, Аякс*, отсылая к эпосу Гомера, являются центральными в тексте "Сонета": "Великий *Гектор* стрелами убит. / Его душа плывёт по тёмным водам, / шуршат кусты и гаснут облака, / вдали невнятно плачет *Андромаха*". Поэт создаёт не традиционную эпическую ситуацию, а свою, индивидуально понимаемую психологическую сцену – лишь один эпизод вне времени и пространства: "Теперь печальным вечером *Аякс* / бредёт в ручье прозрачном по колено..." (I, 222).

Имена *Телемак, Одиссей, Посейдон, Паламед*, словосочетание *Троянская война* принципиально важны в стихотворении "Одиссей Телемаку", ибо сам текст – обращение Одиссея к Телемаку, и четырежды повторяющееся имя адресата – ключевое слово в строках: "Мой *Телемак, Троянская война*! окончена. {...} / Милый *Телемак*, / все острова похожи друг на друга...". Однако сюжет Гомера и здесь переосмыслен, "снижен", и слова, создающие "поэтическое пространство", парадоксально противопоставлены по своей окраске "античной" лексике: "Какой-то грязный остров, / кусты, постройки, хрюканье свиней, / заросший сад, какая-то царица..." (II, 301). Реальное переплетается с мифическим, создавая особый, "третий" мир.

В стихотворении "Дидона и Эней" мифологический эпизод расставания карфагенской царицы и героя внешне соответствует античному сюжету ("Она стояла перед костром..."). Но имена *Дидона и Эней*, слово *Карфаген* в самом тексте лишь обозначают вечную тему ("покинутая женщина"), и "античная" лексика выполняет роль мифологем – знака целого свёрнутого сюжета: "И великий муж покинул *Карфаген*" (II, 163).

Иногда об античном мифе напоминает лишь название стихотво-

рения. Такова "Итака" – текст о возвращении домой, изобилующий бытовой разговорной лексикой (*барбос, хлам, пацан, орут* и т.д.).

Текстуально же близкое воспроизведение античного мифа, пересмысленного литературой, встречается в поэзии Бродского только однажды – в позднем творчестве, переводах из Эврипида («Отрывок из трагедии "Медея"»).

Для Бродского чрезвычайно важна тема империи, не только Римской, но – шире – имперского владычества во все времена. В стихотворении "Anno Domini", в котором римская "провинция справляет Рождество", как это ни парадоксально, непосредственно на "античность" указывает лишь название и имя *Цинтии*, которую вспоминает "писатель". Остальная лексика сопряжена с античностью ассоциативно (Провинция, Метрополия, Наместник, орёл имперский, Император). И хотя формально тема стихотворения – описание римской провинции, на самом деле рамки поэтического повествования намного шире. Поэт пишет о человеке и государстве ("И на стене / орёл имперский, выклевавший печень / Наместника, глядит нетопырем...", "... для праздника толпе / совсем не обязательна свобода..."), о человеке и его любви и горе ("Если бы любил?"; "... его не хочет видеть Император, / меня – мой сын и *Цинтия*"), о человеке и Вечности ("Все будут одинаковы в гробу. / Так будем хоть при жизни разнолики!"; "Жидкий свет зари, / чуть занимаясь на Востоке мира, / вползает в окна, норовя взглянуть / на то, что совершается внутри..." – II, 65–67).

Подобный же переход от конкретного, античного, римского к обобщённому, вневременному, имперскому мы видим в стихотворении "Post aetatem nostram", в котором, помимо латинского названия, большое количество античной лексики, причём не только имён собственных, но и нарицательных: *Ксенофонт, Диоскуры, Лемнос, Афина и легионеры, драхма, гетера, сатир, нимфа, кифаред, гимнасий, трирема*. Впечатление насыщенности реалиями определённого времени поддерживается повторением слов, в которых "античность" не выражена непосредственно, а проявляется только в конкретном тексте: *раб, империя, император, наместник*. Однако повествование, в котором даётся описание приезда императора в провинцию, осложняется мотивами гнилости, глупости, пошлости и подлости (вне зависимости от времени) всякой Империи, империи вообще, похожести всех империй друг на друга (поэтому в тексте появляются слова, невозможные в изображении римской провинции: *муниципальный, иллюминатор, хромированный* и др.): "Империя – страна для дураков"; "Толпа, / отлившаяся в форму стадиона, / застыв и затаив дыханье, внемлет / той ругани, которой два бойца / друг друга осыпают на арене..."; "Империя похожа на *трирему* / в канале, для *триремы* слишком узком" (II, 245, 248, 251).

Стихотворение "Развивая Платона" – не описание конкретной страны и города, хотя приметы Петербурга – Ленинграда и СССР присутствуют в тексте. Бродский пытается создать обобщённый образ города, причём эффект обобщённости, вневременности существования всякой Империи, некоей вечной застылости (может быть, со времён Рима) достигается с помощью "античной" лексики.

Наличие в сознании поэта трёх империй – двух, сосуществующих во времени, и античной, вклинивающейся в мир этих двух, наглядно демонстрирует стихотворение "Колыбельная трескового мыса". Но империя – не только конкретное государство, для Бродского это понятие надисторическое, и поэтому в изображение современной Америки вдруг вклиниваются слова "*Легионы* спят, прислонясь к *когортам*, / *форумы* – к циркам", рядом с описанием "толчеи тараканов в *амфитеатре* тусклой / цинковой раковины..." возникают "крылатые львы, женогрудые *сфинксы*. Плюс / ангелы в белом и *нимфы* моря", а "*Цезарь* бродит по спящему *форуму*, кличет *Брута*..." (II, 360–362).

Одно из последних стихотворений Бродского, написанное, казалось бы, на чисто "римскую" тему, называется "МСМХСIV": "Глупое время: и нечего, и не у кого украсть. / *Легионеры* с пустыми руками возвращаются из походов. / *Сивиллы* путают прошлое с будущим...". Ассоциация "римское – современное" здесь поддерживается словами "глупое время", которые относятся в равной мере как к прошлому, так и к настоящему, утверждение "когда-нибудь эти годы будут восприниматься как мраморная плита / с сетью прожилок – водопровод, маршруты / сборщика податей, душные катакомбы..." (IV, 38), в котором "античное" не выражено непосредственно, предвещает подобную же участь и году 1994.

Таким образом, "античная" лексика в поэзии Иосифа Бродского не просто очень частотна, она является принципиально важным смыслообразующим и лексически значимым элементом в структуре многих, наиболее интересных стихотворений поэта.

Санкт-Петербург